

...Кто-то лил на нее молоко, прохладное и белое, и оно стекало по телу, пенилось, набегало волнами и воланами, ложилось вокруг ее ног кружевом... Это было так приятно! Жара стояла удрушающая, и потоки молока, струясь по ее телу, охлаждали разгоряченную и влажную кожу, которая болела и просто лопалась от зноя... Юля застонала от удовольствия.

Застонала и открыла глаза.

— ...Опять ты! — проговорила Юля губами, сухими от жажды и отвращения.

— Я тебе только добра хочу, — тихо ответила Колдунья, обтирая ее лицо и грудь прохладной тряпочкой, смоченной чем-то пахучим.

Вот отчего ей приснилось молоко, спасительно текущее по телу!

— Подкрепись, — Колдунья протянула ей глиняную чашу с двумя ручками.

В неверном свете свечи в чаше поблескивало густым и зеленоватым, как болото. Юля оттолкнула чашу.

— Дай пить!

— Нет. Сначала супчику, — ласково ответила колдовка, приставляя чашу к губам Юли.

Она была мерзкая. Вся в черном, и одежду она не меняла последние лет сто, пожалуй: от нее разило потом, застарелым и прокисшим, и всеми запахами кухни сразу, жареным луком, рыбой и прогорклым маслом. Лицо ее казалось большим и грубо сделанным. Вполне можно было подумать, что это переодетый мужчина, если бы не голос, обычный женский и даже не особо противный, как ни странно.

Только чтобы поскорее избавиться от колдовки, Юля, морщась, выпила супчик. Он был пряным и острым и немного горчиц.

— А теперь компотик, — довольно произнесла Колдунья и протянула ей эмалированную кружку.

Юля уже знала: как только она выпьет «компотик», то ее сознание снова помутится. Оно и сейчас, вырвавшись из-под действия снадобий Колдуньи, было нечетким... И все же она помнила: с тех пор, как она здесь, ее перестали бить. Да и то, зачем ее бить, если она постоянно вырубается? Значит, рассудила Юля, в ее интересах выпить это снадобье и отключиться. Тогда ее точно не тронут!

Она послушно подставила губы под «компотик».

— Вот и умница... — донесся до нее голос колдовки, и Юля раньше, чем сделала последний глоток, отключилась.

...Нет, это вовсе не молоко! Это молочно-белая, пенная и невесомая ткань ее свадебного платья! Это оно струится по телу, ложась воланами у ее ног... А рядом стоит Гарри. Такой потрясающий,

такой роскошный, в своем серебристо-сером костюме с белоснежной шелковой рубашкой!

«За кавказца замуж выходит девка!» — вдруг донесся до нее шепот из толпы.

«Убогие, вы «кавказцев» только на рынке и видели! — думала Юля. — А мой Гарри большой и красивый, нежный и страстный, мужественный и щедрый — вы таких сроду не встречали! И от зависти уже полопались! Вам бы самим такого, да не светит, и теперь шипите злобно: «Кавказец!»»

Юле захотелось им резко ответить, что, мол, везде есть хорошие люди, и везде есть жлобье вроде вас!

Но она не стала. Ведь это была ее свадьба! Прекрасная, сияющая, радостная! Зачем ее портить, вступая в бессмысленные споры с жлобьем?

...Тетенька, перевязанная лентой, что-то спросила.

— Извините... — растерялась Юля. — Можно повторить?

Женщина в ленте улыбнулась снисходительно, добродушно: невеста была такой юной, еще совершеннолетия не достигла, — немудрено, что девочка растерялась!

Юля словно поймала ее мысли и тоже улыбнулась снисходительно: для того, чтобы их поженили, Гарик достал каким-то образом справку, что Юля беременна! Мама ее, видя их неземную любовь, не возражала, а папа... Он уже давно куда-то делся, так что спрашивать его мнения не пришлось.

— Согласны ли вы стать супругой Гарри Ба-

латарова? — торжественно повторила женщина в ленте.

— Согласна, согласна, согласна! — Юля даже немножко подпрыгнула: ей захотелось немедленно закружиться в танце с Гариком, смотревшим на нее отчаянно влюбленными глазами.

— Именем закона, я сочетаю вас...

И, наконец, они полетели в вальсе — чудесном, великолепном, страстном танце. И ее прохладное платье летело, словно крыльями обнимая Гарри, а он сорвал с себя серебристый пиджак, и его белая рубашка льнула к ее белому платью, и они кружились в вальсе, — светлый сияющий смерч, — заставляя толпу расступаться...

ЧАСТЬ 1

— ...Ты поверь мне, Кис, уже через пару десятилетий наше с тобой время станут называть Золотой Эпохой! Во всей истории Земли мы будем считаться самым счастливым поколением! Ни войн не знали, ни революций — мы мирное общество потребления, нам выпала потрясающе комфортная жизнь! У нас есть газ, электричество, бензин; в магазинах нам предлагают товары в мелких упаковках — нарезка того-сего... Но Земля движется к катастрофе, наводнения-землетрясения, извержения вулканов, засухи, озоновые дыры, хрен знает что с климатом творится... Смотри, жара какая! Где это видано, чтобы у нас, в Москве, жарило, как в Африке?!

Они сидели в зале с кондиционером, — в последние две недели народ вымело с веранд кафе и ресторанов, все норовили забраться внутрь, в прохладную утробу. Громко работал телевизор, где громко обсуждались результаты чемпионата мира по футболу; громко разговаривали посетители, в большинстве своем мужчины — ресторан пивной, и женщины в нем казались редкими цветными пятнами на монохромном фоне мужских рубашек и футболок. Они с Серегой забрались в самый даль-

ний закуток, этакий аппендикс при зале, — иначе слышать друг друга было невозможно.

— Прибавь экологов, — продолжал Серега, — их стараниями через пару десятилетий мы станем жить при свечах, пользоваться примусами, клумбы приспособим под огороды с картошкой и морковкой, а из магазина продукты будем таскать в холщовых мешках, — так *экологичнее*...

Серега уже прикончил третью кружку пива, и уши у него стали розовыми. Кис, — то бишь Алексей Кисанов, чье прозвище прижилось уже незнано с каких времен, — внимал малек нетрезвым рассуждениям друга, а также бывшего коллеги по сыскной работе на Петровке. Алексей давно подался в частные сыщики, не выдержав беспредела, творившегося в милиции в девяностые, а Серега Громов удивительным образом его пережил, не скурвившись, и даже звезд на погонах прирастил. Нить их дружбы не прервалась, равно как и сотрудничества: они не раз выручали друг друга в разных сложных делах.

Однако вне службы встречались они не часто, особенно с тех пор, как Алексей Кисанов обзавелся семьей. Серега был не из тех людей, что дружат «домами», и в гости к ним с Александрой ходил редко, — Сашу-то он обожал и считал умницей, зато присутствие детей его смущало, если не сказать дезориентировало. По своей холостяцкой привычке он предпочитал посидеть с друзьями в кабаке, — что уже не катило Алексею, и без того разрывавшемуся между семьей и работой. И вдруг Громов зазвал его «попить пивка». С чего бы это?

— И скажи мне, Кис, зачем, в таком раскладе,

детей заводить? — продолжал Серега. — Их ждет такая тоскливая участь, что, по-хорошему, из любви к этим самым детям, не стоит их производить на свет! Разве я не прав?

— Мои дети... — осторожно начал Алексей, — они *уже* родились. И обсуждать вопрос, стоило ли их *производить на свет*...

— Лех, извини, я на тебя не намекал... Я просто... Я вот думаю: жениться, детей народить, — зачем? Мне кажется, что грядущие поколения ждут только страдания! А уж их родителям и того пуще. Тут за чужих детей иной раз с ума сходишь... Помнишь, как мы твоих двойняшек искали?¹ Я думал, рехнусь... или инфаркт хватит. А я ж им не родитель! Представляю, если бы мои собственные были!.. Так зачем мне потомство, согласишься? Чтобы на муки его обрекать? Планета наша свихнулась: у нее климакс. То ей слишком жарко, то слишком холодно... А что, всему свой возраст, даже планетам! Все стареют: люди, звери, растения, камни... Звезды и планеты...

Серега сделал знак официанту, чтобы принес новую кружку.

Алексей, кажется, понимал, о чем вел речь дружба: вечный холостяк, он с возрастом все чаще задумывался о семье... Но, испытывая непреодолимое отвращение к брачным узам, Серега Громов пытался обосновать его философски.

— Земля наша стареет! Мы это со школы знаем, — но вроде бы оно должно случиться через

---

¹ Подробно об этом читайте в романе Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».

миллион лет? Или миллиард? Все равно. Такие цифры за пределами нашего понимания. Миллион, миллиард — это *не скоро!* А вот оказалось, что скоро. Что сейчас. Сегодня! Через три года у нас посреди Москвы вулкан вдруг вздрючит — что делать будем? Куды бежать? Как детей спасать?

— Не знаю... Ты мне тут рисуешь голливудский сценарий катастроф... хотя нет, не голливудский, потому что у них всегда детей спасают... А если вулкан вздрючит посреди Москвы, тогда никто не спасется... Но с чего это тебя так разобрало, Сергей? Вулкан, экологи, конец света... Ты ненароком не собираешься отцом стать?

— Я?!

— Тогда чего тебя повело?

— А что, ты не видишь, к чему мы идем? К керосинкам и свечкам?!

— Громов! Говори, что случилось!

— Ничего... — Он выхлебал половину четвертой кружки пива. — Я тебе про будущее толкую!

— А я про настоящее. Что стряслось?

— С чего ты взял?

— Ты позвал меня в кабак, что уже само по себе редкость. Мы сто лет дружим, но общаемся больше по делам, согласись...

— Ну.

— А тут вдруг ты меня зазвал «пивка попить».

— И что с того? Жарища какая, а тут прохладно. И пивко холодненькое!

— Последний раз мы с тобой пили так пивко года три назад, если не больше.

— И что, блин, детектив хренов, ты тут ищешь?!

— Да уже нашел. Что-то у тебя стряслось на личной почве. Давай колись.

Сергея не ответил, принялся дохлебывать пиво и тут же махнул рукой, чтобы принесли ему пятую кружку.

Кис подождал. Кружку принесли, и Сергей уткнулся в нее носом, выпачкав его в пене.

И вдруг заговорил с напором, словно его про-рвало:

— Девка тут ко мне явилась... И понесла, что она моя дочь! Слышь, Кис, *дочь!* Да я с пятнадцати лет предохраняюсь — какая, к черту, дочь?! Так хуже того, явилась с младенцем...

— Та-а-ак, — произнес Алексей и утянул от Сергея пятую кружку к себе. — Ну-ка, поподробней с этого места!

— Да чего поподробней? Выхожу сегодня из подъезда, как бросается ко мне девица с ребенком на руках. И голосит: «Папочка, наконец я тебя нашла!» При этом моего адреса ни в одном справочнике нет, сечешь?! — кипятился Сергей. — И дальше заявляет: «А вот твой внучек, папочка!» И тычет мне что-то запеленутое в руки!

— А ты?

— А я ей обратно *это* сунул. И сказал, что детей у меня нет и быть не может!

— Не спросил, с чего она взяла?

— Спросил. Она сказала... Будто б я познакомился с ее мамашей на дискотеке, а потом провел с ней ночь... И от меня у нее родился ребенок — то есть девка эта, получается... А она родила хрен знает от кого, и теперь маманя ее из дому выгнала, — так она ко мне решила прийти!

— Серега, погоди... Давай по порядку. Как насчет знакомства на дискотеке с последующим пересыпом?

— Да разве все упомнишь? Девке лет восемнадцать на глаз, выходит, девятнадцать годиков назад дискотека та была! Ты чего, Кис, с такими вопросами?

И то верно. Серега был зело хорош собой, а уж обаяния так вообще море. Женщин он просто околдовывал, не прилагая к этому ни малейших усилий. Несмотря на то, что Алексей вполне объективно наблюдал это обаяние, он все равно мало понимал суицидальные наклонности особ женского полу, кидавшихся в объятия Сереги: на его взгляд, у дружбана на лбу написано, что рассчитывать можно в лучшем случае на несколько месяцев лирическо-постельных отношений, не более...

— Иными словами, никаких воспоминаний о связи с той девушкой, которая ныне является матерью явившейся к тебе мадонны с младенцем?

— Никаких.

— И ни одной существенной детали она тебе не выдала?

— Нет.

— Ладно, едем дальше. Внешнее сходство у нее с тобой есть?

— Да я не разглядывал...

— А младенец?

— А чего младенец? Сунула мне в руки конверт, в нем маленькое лицо розовое, — чего ты хочешь от меня?

— Не кукла хоть?

— Да нет, живой вроде...

— Точно живой? Глазки открыты были? Смотрел на тебя?

— Спал.

— Так откуда ты знаешь, что живой? Что не кукла? Или... или что не мертвый?

— Типун тебе на язык! Теплый сверток был...

— От ее рук мог нагреться.

— Ексель-моксель...

— Короче, чего от меня хочешь?

— Пиво отдай!

— Хрен тебе. Уже и так язык заплетается.

— Сволочь. А чем ты можешь помочь?

— Не знаю.

— Тогда пиво отдай.

— Я могу попробовать разузнать об этой девке... Если дашь за что уцепиться.

...Шантажируя друга пятой кружкой пива, Алексей все-таки добился признания: Громов за девушкой проследил и увидел, что та вошла в парикмахерскую в двух кварталах от его дома. Больше Громов разузнать не смог: уже опаздывал на совещание.

Кис так и не отдал ему недопитую пятую кружку. Загрузив Серегу к себе в машину, он довез друга до дома, где благополучно доставил его в парикмахерскую, в которой скрылась девица с ребенком.

...Никаких других дел на сегодня не намечалось, никаких клиентов не наблюдалось, никуда бегом бежать не требовалось, и жара в этот ранний час еще

не приступила к новому пыточному сеансу. Иными словами, утро было блаженным, неспешным. Алексей наслаждался легкой дремой, несмотря на набег двух резвых котят — двух его малышей-двойняшек, забравшихся в родительскую постель. Лизанька играла с папой в «доктора», норовя ему сделать укольчик в плечо шприцем из детского набора; тогда как Кирюша уселся на него верхом, возя по груди Алексея пожарную машинку, — груди широкой и вполне удобной для того, чтобы представить, что это городская площадь. При этом он тоненько завывал, изображая сирену.

— Тихонько, Кирюшка, тихонько, маму разбудишь.

Мама, то есть Александра, приоткрыла один хитрый глаз и довольно перевернулась на другой бок: радовалась, что дети занялись папой, чье утреннее присутствие в постели являлось куда большей редкостью, чем мамино, в силу чего ему досталось все детское внимание, и она могла спокойно поспать еще часик.

Алексей тоже прикрыл глаза, радостно ощущая копошение возле себя двух маленьких, теплых и родных тел, пахнувших младенчеством.

...Кто не возился со своими малышами утром в постели (по вечной спешке или из «педагогических» идей), тот не знает, что такое счастье.

Как всегда, утреннюю идиллию нарушил паршивец-телефон. Дети не обратили на звонок внимания: в их сознание еще не помещалось слово «дела», и даже когда Алексей изогнулся, чтобы до-

стать содовый с прикроватного столика, дочка тут же ловко догнала увильнувшее плечо, чтобы сделать очередной «укол», а сын сделал боковой объезд по периферии «площади» и малость пересел на папе, чтобы снова завладеть ее центром.

— Кис, а где моя тачка? — услышал он голос Сереги.

— У кабака, где вчера сидели, — невозмутимо ответил Алексей.

Громов разразился проклятиями. Кис уж собрался дать отбой — слушать Серегины стенания никакого интереса, — как вдруг дружбан спросил его, почти робко, что было ему совершенно несвойственно:

— А ты это... ты заглянешь в эту парикмахер...

— Загляну. Отзвоню.

— А, ну тогда... Ну, бывай!

М-да, тряханула друга вчерашняя история с девицей и младенцем: уж если он и сегодня, с утра, на трезвую голову...

С сожалением сняв с себя «котят», Алексей шепнул жене, что Сереге требуется срочная помощь, и выскользнул из кровати.

В машине он оказался через полчаса — успел и душ принять, и побриться, и термос наполнить кофе. С утра он есть почему-то никогда не хотел, что было очень удобно и во времена его службы опером, и теперь, когда Алексей занимался частным сыском. Те коллеги, которым поутру требовался плотный завтрак, чувствительно страдали, если не успевали его проглотить, поэтому Кис считал,

что ему повезло. Но чашка кофе по пробуждении ему все же требовалась, и он давно взял в привычку таскать с собой термос на утренних выездах.

Сергея снова позвонил, когда Алексей уже рулил в сторону парикмахерской.

— Что, сегодня снова пришла? — попытался угадать он причину звонка.

— На ее счастье, нет... Кис, а тебе не в лом?

Алексей не узнавал Серегу: всегда энергичный и напористый — и шагом, и голосом, и характером, — сегодня он был подозрительно мягок. В голосе его слышалась растерянность.

— Не в лом.

— Просто у меня тут дел по горло... Я почему тебя и попросил.

— Ты меня не просил, я сам вызвался. Сергей, еще раз: ты исключаяешь, что девица могла правду сказать?

— Гы. Я ж презиками всегда пользуюсь, не то что некоторые!

Сергей гнусно намекал на недавнюю историю Алексея.

— Скотина, — беззлобно отреагировал детектив. — Они же иногда дырявятся. Вдруг правда...

— Не, Лех, поверь мне: туфта эта история, ну-троем чую! Ты меня знаешь: своих малышей я сразу предупреждаю, что патологический холостяк!

«Малышка» — так Сергей называл всех дам сердца, чтобы в именах не путаться.

Кис никогда не осуждал друга за легкомысленность любовных связей: во-первых, не его это дело; во-вторых, не судья он никому, а уж тем более дружбану закадычному; а в-третьих, все особы

женского пола, вступавшие в отношения с Серегой, были совершеннолетними и половозрелыми, а Серега и впрямь перво-наперво свое кредо вечного холостяка излагал, по-честному... Так что чист был Серега перед своими «малышками». А уж если иная девушка и решала, что в ее силах (власти, чарах и иже с ними) Серегу перевоспитать, — так то уже проблемы девушкины, Серега за них ответственности не несет.

Отчего Серега такой стиль отношения с женским полом избрал, Кису было неизвестно. Хотя если бы его кто спросил навскидку, застав врасплох, — то Кис ответил бы, пожалуй, так: работа опера плохо совместима с жизнью семейной. Опер никогда себе не принадлежит, — соответственно, не принадлежит и семье. В любое время дня и ночи его может призвать работа — и вечерами, и в выходные, а то и в отпуске... Мало, очень мало женщин существует на свете, способных считаться с такой работой. Впрочем, слово «считаться» не описывает проблемы: на самом деле она, эта мужнина работа, ложится и на плечи жен: им приходится крутиться за двоих в быту, а особенно когда есть дети...

Алексей это знал не понаслышке: первый его брак распался именно в бытность опером. Жена, не выдержав постоянного отсутствия мужа, завела себе любовника... А там и на развод подала. Но о душевных травмах не будем.

А Серега, семейного опыта не имевший, знал об этих вещах как раз понаслышке, по самой что ни на есть прямой: по телефонным переговорам оперов с супругами. И они его не вдохновляли.

— Кто-то меня разыгрывает! — продолжал Се-

рега. — Вот только кто, зачем, ума не приложу... Девчонке этой лет восемнадцать, от силы девятнадцать, — неужто ее мамашка стала бы столько лет ждать, чтобы мне ребенка предъявить? Бред, согласись!

Алексей не согласился. Он мог бы рассказать такую, к примеру, историю, как лет девятнадцать назад, со всею самонадеянностью молодости, девушка (которая теперь припечатана Серегиным определением «мамашка») могла решиться растить ребенка одна, не сказав ни слова мужчине, который этого ребенка зачал; как по прошествии лет, когда самонадеянность не оправдалась, — когда ни Принц, ни хотя бы уж Белый Конь так и не мелькнули на горизонте; когда ее мечты о карьерном взлете так и не осуществились; когда дочка выросла без отца и сама родила невесть от кого... Вот тогда и могли выиграть все обиды на жизнь, столь жестоко обманувшую; а ответчиком оказался назначен тот, кто когда-то зачал ее ребенка...

Но говорить об этом Сереге Кис не стал. Уже хотя бы потому, что это являлось лишь *возможным* вариантом, а вовсе не обязательно случившимся в действительности.

— И все-таки ты поразмысли, Громов. А вдруг я установлю, что это твой ребенок? Ты готов к этому?

Сереге впал в молчание. Алексею показалось, что он услышал, как друг скрипнул зубами.

«В этом все и дело, — подумал Алексей, — что Сереге до конца подобную возможность не исключает! Оттого-то его так пробрало!»

— Мне поворачивать обратно? — спросил Кис в отсутствие ответа.

— Нет.

— Добро. Опиши ее.

— Девчонка тоненькая, брюнеточка, смуглая или хорошо загорела, лето же; черная кожаная юбка, короткая; кофточка белая, без рукавов, вырез V-образный, глубокий, лифчик видно немножко, тоже белый. На ногах черные босоножки, очень специфические: ступня голая, а на щиколотке будто обрезают сапога, — сейчас многие такие носят, в моде у них, видать... Ногти крашены в какой-то темный цвет, не понял, зеленый, что ли... На руках такой же. Сережки золотые или под золото, вишюльками, других украшений нет. Записал?

— Запомнил.

— Кис, меня тут зовут...

— Ну и иди себе.

Алексей припарковался недалеко от салона парикмахерской, отвинтил крышку термоса, налил в стаканчик кофе и, не торопясь, выпил его вприкуску с маленьким печеньем, которое, уходя из дома, сунул в карман. Печеньица эти имели индивидуальную упаковку, Кис специально их закупал на подобные случаи: практично и гигиенично. После чего он запер машину и двинул к двери интересующего заведения.

* * *

В парикмахерской он, едва войдя, быстро осмотрелся. Ни одна из работниц данного заведения не смахивала на девицу, близкую к описанию Серегги. Не наблюдалось и грудных младенцев.

— Чего хотите, мужчина? — обратилась к нему

полная, ярко накрашенная дама за административным столиком. — Стрижка, краска, бритье?

— «Мужчиной» я являюсь, когда нахожусь в постели с женой, — сухо заявил детектив.

Он страшно не любил это обращение по половому признаку, которое стихийным образом заткнуло брешь в русском языке, откуда силами большевиков были изгнаны слова «господин» и «сударь». Однако сейчас дело было вовсе не в том. Сейчас сыщик был далек от забот о красоте «великого и могучего», — а требовалась ему просто-напросто некоторая конфронтация. Он по опыту знал, что в большинстве случаев (особенно когда коллектив женский) конфронтация дает преимущества в виде повышенного желания угодить привередливому клиенту. Ему понадобится время и свобода перемещения в салоне, и теперь никто не рискнет делать ему замечания.

Он видел, как недоумение охватило все лица: и дамы за административным столиком, и трех девах, сидевших без работы на стульчиках рядом с ее конторкой.

— А как же вы хотите... — растерялась дама.

— Можете спросить «Что вам угодно, сударь?», например, — холодно, без тени улыбки произнес детектив.

Женщины переглянулись, и если не покрутили пальцем у виска, то только потому, что не отважились под взглядом вредного посетителя.

— Ну... *Сударь*... если вам так нравится... А что бы вы хотели... *угодно*, в смысле?

В голосе полной дамы мелькнула подобострастная нотка: Кис добился своего. Большин-

ство людей отчего-то готовы немедленно прогнуться, когда с ними разговаривают высокомерно, вместо того чтобы поставить хама на место (а высокомерие есть род хамства), — феномен, который Алексей постичь не мог. Но пользовался им, когда нужда возникала.

— Постричься. Но пока не знаю, как именно. У вас есть каталоги причесок?

— Конечно, — засуетилась дама, — Валя, принеси!

Алексей сел в кресло, которое ему указали, и принялся листать каталог. Он уже немного оброс и вполне мог позволить обкромсать себя ради дела. Но пока что он намеревался осмотреться, найти зацепку, которая связала бы данную парикмахерскую с девицей и младенцем. Хуже всего, если она заходила сюда только ради прически или маникюра. Но имелся шанс, что она здесь работает... Или ее подруга, родственница. Вот это и требовалось выяснить!

Перелистывая фотографии, он незаметно разглядывал парикмахерскую и мастеров. Как подсчитал Серега, матери той девицы должно быть под сорок, однако ни одной женщине здесь Алексей не дал бы этого возраста. Беда в том, что трое из четверых, находившихся в салоне, включая даму за конторкой, были весьма полными, а с такими у него всегда выходила закавыка: с одной стороны, будучи даже молодыми, толстые женщины казались солидными; с другой же стороны, они долго сохранили моложавый вид: слой подкожного

жира разглаживал морщины и морщинки. Вот почему ему никак не удавалось определить возраст троих. Четвертая же была весьма грациозной женщиной чуть за тридцать и тоже не подходила на роль Серegiной ровесницы.

В салоне воцарилась тишина: женщины стеснялись переговариваться в его присутствии. Лишь та, что постройнее, взялась подметать пол, собирая обрезки каштановых волос, оставшихся от предыдущей клиентки. Алексей некоторое время бездумно следил за ее движениями и встрепенулся только тогда, когда она поднесла совок к мусорной корзине, обтянутой пластиковым мешком. В ней что-то белело сверху... Что-то, напоминавшее...

Кис чуть приподнялся, чтобы получше увидеть. Точно, это были памперсы! Уж он-то в них отлично разобрался!

Что ж, неплохо для начала!

— Мужч... Вы, это, *сударь*, будете стричься или что?

— Буду. Мне вот так... — и он ткнул пальцем в одну из причесок каталога, близкую к классической.

Его препроводили в кресло для «головомойки». Занялась им одна из полных парикмахерш, с лицом приятным и веселым. Ее руки закружились вокруг головы детектива, а он все думал, как бы завести разговор о молодой женщине с ребенком.

С головомойкой было покончено, и Алексей пересел в кресло у зеркала, продолжая размышлять.

Однако долго ему мозги напрягать не пришлось. Неожиданно послышался какой-то звук, похожий на детский плач.

— У вас там кошка, что ли?

Женщина замерла, занеся ножницы над очередной прядью: прислушивалась. Звук повторился.

— Я... вы извините меня... Можно я отойду на минуту? Это не кошка... Там маленький мой плачет! Я сейчас, я мигом!

— Конечно, — милостиво кивнул недостриженной головой «сударь».

Хм... Если маленький — *ее*, то промашка получается...

Она вернулась через несколько минут. Детский плач затих, и женщина снова взялась за ножницы, пропуская пряди волос Алексея меж пальцев. Вид у нее был смущенный и виноватый — не зря Алексей страху на них нагнал!

— Сын? — дружелюбно спросил детектив: пора было менять гнев на милость.

— Внук, — не без гордости ответила женщина.

...Вот оно что! *Ее маленький* — ей внук! Это обнадживало.

— Правда? Глядя на вас, никак не подумаешь, что вы уже бабушка! — польстил он ей. — Мальчик, стало быть? То-то радость вам с мужем... — закинул удочку Кис. Ему важно было узнать о наличии или отсутствии у нее мужа, чтобы оценить вероятность мести.

— Мы рады, конечно, — не особо весело произнесла женщина, орудуя ножницами, — доча, она у нас единственная... Да жизнь у нее не сложилась: едва вышла замуж, как через несколько месяцев и развелась... А сколько мы денег на свадьбу угрохали! Знали бы наперед, как все обернется, то хоть в

долги не влезли бы... Теперь вот мы с мужем помогаем ей, как можем.

Итак, у кандидатки в «мамаши» муж имелся, а дочка родила своего бебика в браке, а вовсе не «невесть от кого». И, заметим, никто молодую мать из дома не выгонял. Стало быть, либо не та девица тут младенца матери подкинула, либо Сереге она наврала капитально... Ну, посмотрим.

— Это хорошо, что помогаете, — согласился Кис, — особенно, что ваш муж дочку понимает. Отцы, они не всегда...

— Ой, что вы, мой души в пацанчике не чаёт, готов нянчиться днями и ночами. Уже мечтает о пенсии, чтобы с внучком сидеть!

— Но вы тоже, я вижу, помогаете... Дочка ребенка вам оставила, на работу пошла?

— Нет... Она только хотела в пару магазинов заглянуть... Вот-вот вернется... Она хорошая мать, не думайте!

Судя по всему, дочка не работает, живет на содержании у родителей, — которые еще с долгами за ее свадьбу не расплатились, — однако по магазинам ходит. Любопытно. Но вряд ли имеет отношение к делу. Важно другое: ее мать, под чьими руками сейчас шевелились волосы детектива, абсолютно не попадает под образ «мстительницы». У нее есть муж, который дочери и отец. И с какой стати ее «доча» потащилась к Серегиному подъезду, где устроила спектакль под названием «Здравствуй, папа, держи внучка», — являлось полной загадкой. Только если тут речь о другой девице идет...

Оставалось надеяться, что она не заставит себя ждать, и все тогда прояснится.

Она и не заставила. Минут семь спустя появилась на пороге, и Алексей сразу ее опознал: и короткая кожаная юбка, и кофточка без рукавов, — на этот раз, правда, не белая, а бледно-голубая, — и темно-зеленые ногти, и обрезок сапога на щиколотке, — все, как Серега описал.

Никому не кивнув и не улыбнувшись, девица продефилировала напрямик к матери, орудующей над головой детектива. На него она даже не посмотрела, словно в кресле находился неодушевленный предмет.

— Как там Васька? Не орал?

Не орал. Именно так выражаются «хорошие матери», кто бы сомневался!

— Нет, спал...

— Пойду покормлю его.

И девушка начала расстегивать кофточку, ничуть не смущаясь присутствием в кресле неодушевленного предмета в виде постороннего мужчины.

— Послушайте, — вскричал Кис, боясь, что она сейчас исчезнет в подсобном помещении, — а я вас вчера в своем дворе видел! Да-да, точно! Вы подошли к моему соседу!

— Вот ерунда, — хмуро бросила ему девица и вознамерилась отчалить в подсобку.

— Да точно, говорю вам, видел! Я на вас обратил внимание: и юбка эта кожаная, и зеленые ногти... Только вчера на вас кофточка была белая, точно? Вы еще подошли к моему соседу и стали совать ему ребенка! Я слов не слышал толком, но что-то донеслось, вроде: «Папочка, держи внучка!»

— Настена?! — ахнула ее мать и, кажется, от-

секла клочок волос детектива едва ли не под корень. — Какой еще *папочка*?! Что это такое?!

— Да дяденька придумал, — зло выплюнула девица. — Я пойду Ваську кормить.

— Стой, — мать схватила ее за руку. — Кому это ты Васеньку совала?! Почему *внучка*? Это наш с твоим отцом внучек!!!

— Да придумал он, козел, говорю!

Она пыталась выдрать свою руку из крепкой материнской хватки.

Алексей счел, что пришла пора вмешаться официально. Он поднялся, содрал с себя пластиковый «пеньюар» и вытащил из кармана удостоверение, которое, раскрыв, поднес к глазам обеих женщин.

Впечатление произвело. Обе притихли, замерли.

— Итак, я вас видел вчера утром во дворе, где проживает мой сосед и приятель, — жестко произнес Кис. — Зачем вы пытались ему всучить ребенка?

Настена вдруг плюхнулась в кресло, в котором только что сидел детектив, — еще тепленькое. Кофточка с расстегнутыми пуговичками обнажила ее тело до пупка, но девицу это не смущало. Или она о ней забыла.

— Да меня Лариска попросила...

— Наша соседка? — изумилась ее мать.

— Ну да... Сказала, что мужик один ее прокатил... Переспал с ней пару раз, а потом заявил, что она для него старовата... А Лариске, ты же знаешь, мам, ей тридцать шесть. Не девушка, понятно, —

но тоже мне, нашелся хрен называть ее «старовой»!

Это была наглая ложь. Не Настены, понятно, — а той самой Ларисы. Алексей отлично знал Серегу: он сходил с женщинами разного возраста, случилось, что и старше себя, — ему было важно «зернышко», некое обаяние, на которое он западал.

— И она решила его проучить, — вяло добавила Настена, — показать ему, что он сам уже в том возрасте, когда пора внуков иметь... Ну, и попросила меня устроить этому хрену сцену у фонтана...

Мать ее только головой качала, не найдя слов.

— Фамилия этой Ларисы? — строго спросил детектив.

— Дегунова! — машинально откликнулась парикмахерша. — Вы мою дуреху не осуждайте... пожалуйста! У Настены своя жизнь не очень сложилась...

— Мам! — рывкнула Настена.

— Да что «мам»? А то сложилась, что ли?! А Лариска эта, соседка наша, она все пытается мужа себе найти... Да никак. Вот она к Настене и подъезжает в последнее время: вроде они сестры по несчастью, а все мужики козлы... Да у Ларки просто характер скверный! Все от нее бегут, и мужчины, и подруги! Но она... знаете, бывают такие дамочки, что всегда виноватых ищут, кроме себя, — ну вот она и пытается всем отомстить... И мою дуреху приспособила... Ох, Настена, когда же ты ума наберешься?!

— Я Ваську пошла кормить, — Настена поднялась и направилась к двери в подсобку.

Алексей ее не удерживал. Он уже узнал все, что требовалось.

— Дострижете меня? — любезно спросил он мастера.

— Ох... конечно! Простите меня... Беда с ними, с дочками...

И, скорбно покачивая головой, она снова взялась за ножницы.

...Сергея вспомнил Ларису Дегунову. История и выеденного яйца не стоила: сестра одного из Серегиных приятелей, она несколько раз притаскивалась на общие тусовки, всяко пытаясь завладеть вниманием Громова. Что ей не удалось. Сергею она сразу не понравилась, явная зануда и искательница мужа, — никакого «зернышка»! И он ее просто проигнорировал.

Но, видать, допустить мысль о том, что она могла оказаться не интересна мужчине, Лариса никак не хотела. Отчего постановила: все дело в ее возрасте. Остальное — что Сергей с ней спал и что называл ее «староватой» — было ею начисто выдуманно с одной целью: подговорить соседку, Настену, для акта «мести», суть которого заключалась в намеке на возраст Сергеи: самому в деда, мол, пора.

Иными словами, к концу дня эта история приобрела внятное и благополучное разрешение, и все успокоились.

* * *

И снова наступило затишье. У Алексея никаких особых дел так и не возникло, — казалось, в такую небывалую жару все и всё вымерло! — если

не считать одной вялотекущей слезки за неверным мужем, которую он щедро переложил на плечи своего ассистента Игоря, а сам по-прежнему мог наслаждаться неспешными утрами своими «котятками».

И так протекло шесть дней.

На седьмой его сладостное утро вновь было потревожено звонком от Сереги.

— Кис, не разбудил?

— Не совсем, — лениво отозвался детектив.

— Слухай, у меня тут новая странность... Мальчонка ко мне вот уже второй день приходит.

— Тот, грудной?! — изумился Кис.

— Да нет, какой грудной, ты чего? Мальчонка такой... лет пяти... или шести, наверное... Или семи, не знаю, я не разбираюсь в детях... Выхожу из подъезда вчера: он сидит на ступеньках. И ко мне сразу: «Дядя, вы милиционер?» Я, в натуре, подтверждаю, что милиционер. А он мне, слышь, отвечает: «У меня маму украли! Найдите ее!»

— Ничче се...

— Вот и я так же. Спрашиваю его: а откуда ты знаешь, что я милиционер? Он говорит: «Женька сказала». Как я понял, девочка какая-то из моего подъезда... Сегодня снова пришел — снова просит, чтобы я маму его нашел. Кис, не знаю, что и думать. Опять Ларисы происки? Да уж больно нелогично, согласись...

— Соглашаюсь.

— Или какая другая из моих бывших?!

— Так это тебе лучше знать...

— Ни фигя я не знаю! Надо с ним как-то переговорить... Да не умею я с детьми... Возьмешься?

— И где его искать?

— Думаю, что он и завтра придет ко мне на ступеньки подъезда...

— Время?

— Я выхожу в семь тридцать...

— ...Я тоже милиционер, — произнес Алексей, усаживаясь на ступеньки рядом с мальчонкой.

Ему и впрямь больше шести лет не дашь. Нормальной комплекции ребенок, живые светло-карие глазки, кудрявая головка, ямочка на правой щеке, россыпь рыжих точек-веснушек на носу. Синие шортики, желтая футболка с зайцем из «Ну, погоди!», сандалии с носочками — ничего модно-современного. Так одевали детей и тридцать лет назад, и сорок... Похоже, что гардеробом пацана заведовала бабушка.

— А этот дядя, к которому ты пришел, — добавил Алексей, — он очень-очень торопится на одно важное дело, так что ты извини его, он сейчас не может с тобой поговорить.

— Он ищет людей, которых украли?

— Да.

— Он может найти мою маму?

— Да. Но я тоже могу. Как тебя зовут?

— Михаська. А тебя как?

— А меня... Алексей. Тебе сколько лет? Шесть?

Мальчонка оттопырил три пальчика на руке и показал детективу.

— Вот когда будет!

— Через три месяца? — с некоторым трудом сообразил детектив.

Ребенок кивнул.

— Кто тебе посоветовал сюда прийти и ждать дядю-милиционера у подъезда?

— Женька.

— Это твоя подружка?

— Подружка, — согласился пацаненок. — Она тут живет, в тридцать четвертой квартире, она знает.

Мальчик говорил правду, Алексей чувствовал. Да и проверить наличие Женьки в тридцать четвертой квартире труда не составит. Стало быть, происки Серегиных поклонниц тут ни при чем, а у мальчонки мать и вправду похитили... Или он так думает.

— Расскажи мне про маму. Кто ее украл?

— Дядя один.

— Ты его видел?

— Видел. Дядя приехал, позвал маму, а потом ее схватил и потащил...

— Миша... Михаська, для милиционеров важны всякие подробности... Детали, понимаешь? Постарайся рассказать мне все, что ты видел. Все-все!

— А я все рассказал!

Понятно. Ребенок наверняка видит эту сцену в голове, и ему кажется, что другой человек может увидеть ее так же легко и ярко, как он сам, достаточно лишь сказать «схватил и потащил»... Объяснить мальчику, что значит «подробно», Алексей явно не сумеет. Так что попробуем задать наводящие вопросы.

— Как он маму *позвал*? Этот дядя пришел к вам домой?

— Домой, — откликнулся мальчик, но тут же умолк.

— И... И что? Он маму твою... Он с ней говорил?

— Говорил, — не стал спорить Михаська.

— И что дядя сказал, ты слышал?

— Слышал... Что мамочка предательница.

— Почему он так сказал?

Михаська несколько раз пожал плечиками, столь высоко их поднимая, что его кудрявая головка словно утапливалась в грудную клетку.

Алексей неправильный вопрос задал. Надо вот как:

— Можешь повторить слова этого дяди?

— Могу. Он сказал, что мамочка предательница.

— А еще что?

— Я не помню... Он непонятно сказал.

— Хорошо. Что дальше произошло?

— Он маму схватил за... за тело... И к выходу потащил... А потом она больше не пришла домой. Уже вот сколько дней! — и Михаська снова показал три пальчика.

— Ты в окошко не посмотрел, когда этот дядя вышел с твоей мамой?

— Я посмотрел, — кивнул Михаська.

— И что ты там увидел?

— Он маму в машину посадил... и увез.

— А что за машина такая?

Маленький сын Алексея, двух лет от роду, уже разбирался в марках машин — отчего детективу казалось, что все маленькие мальчики на свете должны разбираться в них не менее его Кирюши.

Но мальчик Михаська только печально приподнял плечи:

— Черная такая... Большая. Мама не хотела в нее садиться. Он ее туда толкнул.

— А кто у тебя дома остался? Папа?

— Нет, папа не остался, его нету. Бабушка есть.

Понятно. Раз папы нет, то откуда мальчишке разбираться в моделях машин? Это ведь только папа может научить, никак не мама с бабушкой...

— Давай пойдем к тебе домой, ладно?

— Ладно, — ответил Михаська и доверчиво вложил маленькую ладошку в очень большую, как только что выяснилось, руку детектива.

* * *

Михаська жил через три дома от Сереги. На шее у него висел шнурок с ключом, и он ловко отпер входную дверь.

Квартира оказалась двухкомнатной малогабариткой. Пахло укропом и лавровым листом. Рыжая кошка с порванным ухом пришла в коридор и потерлась по очереди о ноги Михаськи, затем детектива. На кухне возилась, судя по всему, бабушка — маленькая седая женщина. Кис ступил в ее владения, открывая удостоверение, однако она не выказала ни интереса, ни удивления тому факту, что в квартире обнаружился посторонний человек. Лишь на секунду оторвала свой взгляд от кастрюли, снимая шумовкой пену с бульона, коротко глянув на детектива вполне ясными глазами — очки она не носила, — проигнорировав удостоверение. При попытке с ней пообщаться выяснилось, что

бабушка плохо слышит, — столь плохо, что детектив временно оставил эту затею.

Несколько минут он размышлял, тем более что никто его не торопил, никто не восклицал, какого черта и по какому праву он вторгся в чужое жилище. Женщине этой он бы дал лет девяносто, не меньше, — хотя вряд ли в девяносто лет бабушки еще столь живенько орудуют над кастрюлями... Или орудуют?

Родители Алексея умерли рано, так что не довелось ему видеть их в старости. Но матери Александры было под семьдесят, и по сравнению с бабушкой Михаськи она выглядела просто юной девушкой. Возможно, еще и потому, что волосы она подкрашивала, следила за собой, — а эта бабушка была совсем седенькой, и волосы ее поредели...

Волосы — не волосы, а она куда старше тещи детектива! Так что, пожалуй, являлась она бабушкой не Михаське, а его матери. То есть мальчику прабабушкой.

Стало быть, у них либо другой родни нет, либо в семье все очень сложно.

Утешало уже то, что слова ребенка оказались не совсем беспочвенными: наличествовала квартира, где он проживал, и бабушка наличествовала.

— Мамино имя как, Михасик? — присел на корточки перед мальчиком детектив.

— Я не Михасик, я Михаська!

— Хорошо. А мама?

— Юлька.

— А ты как маму звал?

— «Мамочка».

— Тогда кто ее «Юлькой» называл?

— Бабулечка.

Не так уж глуха «бабулечка», раз общается с внучкой!

— Пойдем в комнату, не будем мешать твоей бабушке, — произнес Кис погромче и покосился: и точно, она ухо наострила, прислушиваясь. Ну-ну.

Все это было странно. Если мать Михаськи впрямь похитили, то поведение бабушки выглядело неадекватным. Казалось бы, она должна радоваться, что кто-то явился с намерением Юлю искать! А она вместо этого прячется за своей глухотой и у своей кастрюли... Почему? Может, она сама неадекватна? Или все же Михаська сочиняет? Или чего-то не понимает... тогда как бабушка все отлично понимает? Юля уехала с любовником, например... И он не «тащил» ее, как подумал ребенок, а крепко обнял...

Гадать Алексей не стал: видно будет.

Он заглянул в комнаты. Одна, поменьше, была явно комнатой бабушки: старомодная кровать, комод и шкаф. Другая, где наличествовали две тахтушки — одна побольше, другая поменьше, выдавала место обитания Михаськи и его мамы. Тахтушки были прибраны — постельное белье с них убиралось, надо думать, каждое утро, во внутренний ящик под лежбищем, — и днем они имели цивилизованный вид диванчиков.

Детектив расположился на одном из них, усадив рядом Михаську.

— Как зовут твою бабушку?

— Люба.

— А по отчеству?

Мальчик снова быстро и часто пожал плечами,

высоко их поднимая и утапливая головку в грудной клетке.

— Ну, подумай, ты ведь слышал, как к ней обращаются: *Любовь*... как дальше?

— Какая же бабулечка *любовь*? — изумился Михаська. — Любовь — это когда в кино целуются!

Алексей улыбнулся. Даже если было много странного в этой семье, то радовало уже то, что мальчонка говорит «мамочка» и «бабулечка», — значит, воспитан в ласке. Ему вспомнилась девушка в кожаной юбке, Настена, которая о своем ребенке спрашивала, не *орал ли Васька*... В этой семье наверняка говорят иначе. В ней спрашивают, не *плакал ли малыш*...

Две разные фразы — два разных мировоззрения.

Уведя Михаську, Алексей надеялся, что бабушка придет в комнату вслед за ними — посмотреть, что там некий чужой дядя делает с ее внуком... Или, скорее, с правнуком.

Но она не появилась. Стоит в коридоре и подслушивает? Но даже если она и преувеличивала свою глухоту для сыщика, то все равно слух у нее, вероятно, понижен, иначе и быть не может в таком возрасте, — значит, подслушивать она не могла... Странно, странно все это.

Алексей подумал немножко и вновь решил, что пока не следует форсировать события.

— Давай поиграем, — предложил он Михаське. — Я буду вместо твоей мамы, а ты вместо «дяди», который пришел к вам в квартиру, а потом твою маму с собой забрал. Давай?

— А как же ты будешь вместо мамы? Ты же не знаешь, что мамочка говорила!

— А ты мне подскажешь.

— Ладно, — согласился Михаська, и они вышли в прихожую. — Ты встань вот тут, слева, как мама! А я вот здесь, у двери, — потому что я первым добежал, когда звонок зазвонил, и открыл дверь. И этот дядя вошел.

— Ты его раньше видел?

— Нет.

Михаська развернулся спиной к входной двери и, подняв плечи и выгнув грудь, широко шагнул, укрепился в прихожей.

— Маму позови, — произнес Михаська басом.

— То есть человек был большой, да?

— Да, — все так же басом ответил Михаська, не выходя из роли. — А ты тут как мамочка стоишь. И дядя тебя заметил.

Он осмотрелся, подумал и взял зонт, который попробовал поставить вертикально. Зонт упал. Михаська снова осмотрелся, что-то ища глазами. Алексей с любопытством следил за мальчиком, не понимая смысл его действий, но вопросов не задавал.

Наконец Михаська залез под вешалку, вытащил откуда-то из ее глубин высокий сапог матери и поставил его перед дверью.

— Вот это я, Михаська, — указал он на сапог. — А я тот дядя. — Он занял место позади сапога. — А ты как мамочка, и ты смотри на меня такими большими глазами, будто очень удивился!

Кис послушно постарался сделать «большие глаза», отчаянно подозревая, что роль ему не удалась. Но маленький режиссер не обратил внима-